

АНАСТАСИЯ ШЕРР,
ЛИРА ВЕТРОВА

«Не беси»

МОЮ СОБАКУ,

БАНДИТ!

Анастасия Шерр Ли́ра Ветро́ва Не беси мою собаку, бандит!

<https://litres.ru/74397138>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я прекрасно жила до того дня, пока какой-то наглый мужик не припарковал свой черный внедорожник перед моей кондитерской. Я попросила его убрать машину. Он предложил мне разговаривать повежливее. Моя собака Пончик подумала, что переговоры затянулись, и пометила ему колесо. Так я познакомилась с Ратмиром Астаховым. Человеком, которого, как выяснилось позже, боится половина города.

Я не боялась.

Я его терпеть не могла.

Особенно после того, как этот бандит решил, что может купить помещение вместе с моей кондитерской, командовать моей жизнью и появляться рядом тогда, когда ему вздумается.

Я портила ему настроение. Он портил мне планы. Пончик портил ему брюки.

Все шло прекрасно, пока однажды я не обнаружила страшную вещь.

Моя собака по-прежнему его недолюбливала.

А я, кажется, уже нет.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ли́ра Ветро́ва, Анаста́сия Шерр Не бе́си мою соба́ку, банди́т!

Я прекрасно жила до того дня, пока какой-то наглый мужик не припарковал свой черный внедорожник перед моей кондитерской. Я попросила его убрать машину. Он предложил мне разговаривать повежливее. Моя собака Пончик подумала, что переговоры затянулись, и пометила ему колесо. Так я познакомилась с Ратмиром Астаховым. Человеком, которого, как выяснилось позже, боится половина города.

Я не боялась.

Я его терпеть не могла.

Особенно после того, как этот бандит решил, что может купить помещение вместе с моей кондитерской, командовать моей жизнью и появляться рядом тогда, когда ему вздумается.

Я портила ему настроение. Он портил мне планы. Пончик портил ему брюки.

Все шло прекрасно, пока однажды я не обнаружила страшную вещь.

Моя собака по-прежнему его недолюбливала.
А я, кажется, уже нет.

Глава 1

В тридцать пять лет я точно знала три вещи. Мужчинам нельзя верить, крем для эклеров нельзя оставлять без присмотра рядом с новой стажеркой, а если Пончик внезапно затих, значит, где-то уже произошло преступление. Именно поэтому, когда в половине девятого утра в моей кондитерской стало подозрительно тихо, я отложила мешок с кремом и прислушалась. На кухне гудел миксер, Лиза звякала противнями, кофемашина выпускала пар, а характерного сопения французского бульдога слышно не было. Пончик весил двенадцать с половиной килограммов, храпел так, что иногда будил сам себя, и не умел исчезать бесследно. Если его не было видно и слышно, это означало только одно. Он нашел себе занятие, за которое стыдно будет мне.

Я вышла из-за стойки и увидела открытую дверь. Сентябрь выдался теплым, поэтому по утрам я проветривала зал, чтобы вместе с запахом ванили и кофе сюда заходил свежий воздух. Обычно Пончик лежал у витрины, делая вид, что охраняет заведение, хотя в действительности ждал, когда кто-нибудь из посетителей уронит кусок круассана. Сейчас его резиновая утка валялась под столиком, миска с водой была цела, а самого хозяина жизни не наблюдалось. Из-за двери донеслось низкое рычание. Я сразу пошла быстрее,

потому что Пончик почти никогда не предупреждал людей заранее. Он предпочитал сначала совершить поступок, а уже потом дать окружающим время осознать его смысл.

На улице я остановилась. Перед моей кондитерской стоял огромный черный внедорожник, перекрывший место, куда через десять минут должен был подъехать поставщик с мукой, сливками и шоколадом. Возле машины разговаривали трое мужчин. Двое выглядели так, будто всю жизнь открывали двери только после того, как проверят, кто находится с другой стороны. Третий сразу привлек внимание. Высокий, широкоплечий, в черной рубашке и темных брюках, лет сорока или чуть больше. Короткие темные волосы, аккуратная борода, спокойное лицо и тот неприятный вид уверенности, который бывает у человека, давно привыкшего не повторять просьбы дважды. Между ним и машиной стоял Пончик, расставив короткие лапы, и смотрел на незнакомца так, словно именно сегодня получил шанс защитить честь семьи.

— Пончик! — позвала я. Собака оглянулась, радостно фыркнула и тут же вернулась к своему важному делу. Мужчина тоже повернулся ко мне. Сначала я зачем-то подумала, не испачкано ли лицо шоколадом, потом вспомнила, что стою у собственной кондитерской и имею право выглядеть как человек, который с шести утра печет эклеры. Джинсы, белая футболка, розовый фартук с кексом и пучок, из которого торчал карандаш, вполне соответствовали ситуации. Незнакомец посмотрел на меня внимательно, без улыбки, и

спросил, мой ли это пес. Я ответила, что нет, дикий, из леса прибежал и особенно любит черные внедорожники. Один из его спутников кашлянул и отвернулся. Второй внезапно заинтересовался противоположной стороной улицы.

— Уберите собаку, — сказал мужчина таким тоном, словно мы находились у него дома. Я посмотрела на внедорожник, потом на него и совершенно спокойно попросила убрать машину. Он не сразу понял, что я обращаюсь именно к нему. Пришлось объяснить, что большая черная штука на колесах закрыла разгрузку и через несколько минут будет мешать поставщику. Мужчина сказал, что через пять минут ее переставят. Я ответила, что через пять минут грузовик уже будет здесь. Он пожал плечами и сообщил, что водитель подождет. Меня это простое спокойствие вывело из себя сильнее, чем если бы он начал хамить. У таких людей, видимо, имелся свой отдельный порядок мира. Солнце вставало, земля вращалась, а все остальные ждали столько, сколько им велели.

Один из спутников назвал его Ратмиром Сергеевичем, очевидно пытаясь подсказать мне, с кем я разговариваю. Я поздравила мужчину с тем, что он знает имя своего начальника. На секунду оба сопровождающих перестали дышать, а потом один все-таки усмехнулся. Ратмир Сергеевич посмотрел на меня чуть внимательнее и спросил, как меня зовут. Я представилась Варварой Алексеевной. Он сказал, что ему очень приятно. Я честно ответила, что мне пока нет. Несколько секунд мы молчали. У него были темные глаза и

тяжелый, но не злой взгляд. Он не раздражался, не повышал голос, не пытался давить. Просто стоял передо мной так, будто все еще решал, имею ли я право настолько его не бояться. Я знала мужчин, которые принимали уверенность за вторую профессию, но этот не был похож на моего бывшего мужа и его бесконечные попытки казаться важнее, чем он есть. Этот человек действительно был важным. И именно поэтому меня еще сильнее тянуло выставить его с моей разгрузки.

Пока мы мерились упрямством, Пончик решил, что переговоры затянулись. Он подошел к внедорожнику, поднял лапу и с деловым видом пометил идеально чистое переднее колесо. Тишина наступила такая, что я слышала, как где-то через дорогу закрыли дверь. Я закрыла глаза, потому что смотреть на последствия любви к животным не всегда обязательно. Ратмир медленно спросил, сделал ли мой пес то, что ему показалось. Я открыла глаза и сказала, что ничего не видела. Его охранник отвернулся, но плечи у него затряслись. Пончик закончил свое дело, сел возле колеса и выглядел настолько довольным, будто только что выиграл тендер.

Ратмир посмотрел сначала на него, потом на меня и неожиданно улыбнулся. Улыбка ему шла, что было совершенно некстати. Лицо становилось живее, в уголках глаз появлялись морщинки, и вместо неприятного незнакомца передо мной на секунду возник очень привлекательный взрослый мужчина. Я тут же напомнила себе, что пережила развод, ремонт помещения, две налоговые проверки и трех

кондитеров, называвших макаронсы макаронами. Мужская улыбка точно не могла стать моей проблемой. Ратмир называл Пончика хорошей собакой, но невоспитанной. Я ответила, что он просто чувствует людей. Улыбка исчезла, однако злости не появилось. Он подошел ближе, и мне пришлось задрать подбородок, потому что рядом он оказался еще выше. От него пахло кофе и дорогим древесным парфюмом. Ратмир спросил, говорили ли мне, что я смелая женщина. Я объяснила, что обычно употребляют слово вредная. Он согласился. Я добавила, что вредность у меня бесплатная.

Через минуту он все-таки приказал Руслану переставить машину. Победа оказалась слишком быстрой, и я даже растерялась. Поблагодарила, но Ратмир велел не торопиться с благодарностью и сообщил, что еще вернется. Зачем, объяснять не стал. Перед тем как сесть в автомобиль, он посмотрел на Пончика и серьезно сказал, что они с ним еще поговорят. Пончик чихнул ему вслед. Я дождалась, пока внедорожник отъедет к соседнему зданию, и сообщила собаке, что мы умудрились нажить врагов до девяти утра и теперь можно считать день продуктивным. Пончик завилял всем задом, совершенно не разделяя моих опасений.

Следующие два часа я почти забыла о Ратмире. Работа вообще отлично лечит от лишних мыслей, особенно когда одновременно падает мастика с именинного торта, постоянная клиентка требует капучино горячее обычного, но не слишком горячее, а стажерка Лиза спрашивает, можно ли

добавить в меренгу еще сахара, потому что ей кажется, что она недостаточно сладкая. К одиннадцати Пончик спал под столом, а неприятный мужчина перешел в категорию утренних происшествий. Потом дверь открылась, вошел тот самый Руслан и поставил на стойку большой пакет. Я сразу спросила, не счет ли это за мойку колеса, потому что у меня есть свидетель, что ничего не было. Руслан рассмеялся и объяснил, что Ратмир Сергеевич просил передать подарок.

В коробке лежал красный кожаный ошейник, хороший, дорогой и абсолютно лишний. К нему прилагалась карточка с короткой надписью о том, что переговорищика в следующий раз надо видеть заранее. Я посмотрела на Пончика и предупредила, что этот человек не купит ему ни дружбу, ни хозяйку. Сегодня ошейник, завтра котлета, послезавтра он продаст меня за кусок говядины. Пончик обиделся на обвинение, но через десять минут ходил по залу в новом ошейнике и выглядел невероятно довольным. Я ненавидела собственную слабость. Еще через двадцать минут Руслан вернулся узнать, подошел ли размер. Я велела передать, что подошел, но это ничего не меняет, собак подкупать неприлично, а если черный внедорожник снова окажется перед моей дверью, ошейник полетит Ратмиру в лоб.

Руслан ушел, а через пару минут мой телефон звякнул. С незнакомого номера пришло сообщение. Ратмир писал, что понял условия и в следующий раз начнет с хозяйки. Я перечитала строку два раза, потом подняла глаза на Пончика и

поздравила его с тем, что он познакомил меня с ненормальным. Песель зевнул и улегся у моих ног. В тот момент я еще не знала, что Ратмир Астахов приехал в соседнее здание всего на одну встречу, но уже через несколько дней станет появляться на нашей улице чаще, чем курьер с молоком. И точно не знала, что моя спокойная жизнь начнет лететь в тартарары не из-за криминала, денег или чужих угроз, а из-за одного очень упрямого мужчины и моей совершенно продажной собаки, которая, как позже выяснится, за хорошую котлету была готова временно забыть даже о принципах.

Глава 2

Через четыре дня я поняла, что у Ратмира Астахова есть талант портить мне настроение даже в свое отсутствие. Началось все с мужчины в сером костюме, который пришел в кондитерскую в десять утра, показал документы и вежливо сообщил, что здание сменило собственника. Моя первая мысль была о налогах, вторая о повышении аренды, третья о том, что мне не нравится слишком довольная физиономия Пончика, который сидел рядом с незнакомцем и уже получил от него кусочек печенья. Через пять минут выяснилось главное. Нового хозяина здания звали Ратмир Сергеевич Астахов. Я не кричала. Я просто очень медленно положила ручку на стол и спросила, каким образом человек, которого я видела один раз в жизни, успел купить дом, в котором находится мой бизнес. Юрист сказал, что переговоры шли несколько месяцев и сделка завершилась только сейчас. То есть мир не крутился вокруг меня, и это немного успокаивало. Совсем немного.

Договор аренды у меня был еще на три года, условия менять никто не собирался. Юрист отдельно подчеркнул, что новый собственник просил передать именно это. Потом показал проект обновления фасада. Вот здесь я поняла, что Ратмир все-таки решил умереть молодым. На рисунке мой теплый кремовый фасад с голубой вывеской исчезал. Вместо

него появлялись черный камень, темные окна и золотые буквы. В таком оформлении продавать можно было не пирожные, а дорогие гробы. Я попросила юриста ничего не трогать у моей двери. Он объяснил, что окончательные решения еще не приняты, но единый внешний вид здания важен. Я ответила, что единый внешний вид можно начинать с других помещений, а мою кондитерскую оставить жить. Юрист записал замечание с таким спокойствием, будто собирал показания после стихийного бедствия.

В полдень приехал сам виновник. На этот раз внедорожник припарковали аккуратно, и я даже не успела использовать подготовленную речь. Ратмир вошел в зал без охраны, огляделся и первым делом посмотрел на Пончика. Тот поднялся со своей подушки и нехотя подошел. Я приготовилась к рычанию, но предатель остановился в полуметре и начал нюхать воздух. Ратмир достал из кармана маленький пакет сушеного мяса. Я ничего не сказала только потому, что посетители сидели за столиками. Он присел, дал Пончику кусочек и получил право почесать его за ухом. Собака позволила это с достоинством государственного чиновника, принимающего благодарность за хорошо выполненную работу. Я смотрела на них и понимала, что моя воспитательная система потерпела крах.

Ратмир заказал кофе и два эклера. Потом еще два. Я спросила, не собирается ли он купить и мои запасы заодно со зданием. Он ответил, что, если понадобится, купит. Именно в

этот момент я положила перед ним проект фасада и поинтересовалась, не было ли в его детстве тяжелой травмы, связанной с цветом. Ратмир спокойно посмотрел на черный рисунок и сказал, что здание должно выглядеть достойно. Я объяснила, что достойно не означает мрачно, а золотые буквы на черном фоне делают мою кондитерскую похожей на место, где людям сообщают плохие новости. Он не выдержал и усмехнулся. Это было уже второе доказательство того, что смеяться он умеет, просто не любит делать это при свидетелях.

Мы спорили минут пятнадцать, но в этот раз разговора было меньше, чем работы. Я ходила между залом и стойкой, упаковывала заказы, ставила новые пирожные в витрину, а Ратмир сидел у окна и наблюдал. Его присутствие раздражало именно тем, что он никуда не торопился. Мужчина, которого, судя по всему, ждали десятки людей, мог сидеть в моей кондитерской с чашкой американо и смотреть, как я спорю с поставщиком клубники. Через некоторое время он встал, снял пиджак и неожиданно помог мне передвинуть тяжелый стол, когда я решила проверить, как будет смотреться другой вариант расстановки. Я не просила. Он просто увидел, что я пытаюсь тащить мебель одна, подошел и поднял край. После этого вернул пиджак на плечи и снова стал неприятным хозяином здания. Очень удобная мужская способность.

Вечером рабочие начали снимать старую вывеску с соседнего помещения. Шум стоял такой, что Лиза дважды перепу-

тала заказы, а Тамара Борисовна потребовала скидку за моральный ущерб. Я вышла на улицу и увидела Ратмира рядом с прорабом. Он заметил меня сразу, но сделал вид, что занят. Это было ошибкой. Я подошла, дождалась паузы и сообщила, что если они завтра начнут сверлить в семь утра, я вынесу кофемашину на улицу и буду бесплатно угощать их рабочих тройным эспрессо до тех пор, пока у всех не начнут дрожать руки. Прораб посмотрел на Ратмира с явной просьбой решить проблему. Ратмир пообещал начинать не раньше девяти. Я попросила десять. Он согласился на девять тридцать. Мы пожали руки так серьезно, словно подписывали международное соглашение.

На следующий день в девять двадцать пять рабочие уже стояли возле стены, но никто не включал инструмент. Ратмир приехал в девять двадцать девять. В девять тридцать ровно раздался первый удар. Я смотрела на часы и вынуждена была признать, что он умеет держать слово даже тогда, когда речь идет о моей бессмысленной, по его мнению, просьбе. Это немного испортило мне удовольствие от ненависти. Чтобы восстановить равновесие, я отправила наверх, где он временно устроил кабинет, коробку пирожных. Внутри лежало шесть эклеров. Пять обычных и один в форме маленького черного кирпича, покрытого темной глазурью. На карточке я написала, что это мой вариант нового фасада. Через десять минут Руслан принес пустую коробку и записку. Ратмир просил сделать еще десять кирпичей для совещания.

К обеду я действительно сделала десять. Лиза спросила, почему мы печем архитектуру, но я попросила не вмешиваться в наши отношения с арендодателем. Вечером Ратмир спустился сам. Он был без галстука, рукава рубашки закатаны, выражение лица усталое. Пончик сразу поднялся, увидел пакет с мясом и предательски завилял. Я назвала собаку беспринципной. Ратмир сказал, что у Пончика просто хорошие деловые навыки. Потом положил передо мной новый проект фасада. Черный камень исчез. Кремовый цвет остался, вывеску предлагалось заменить на более аккуратную, но в тех же голубых тонах. Я удивилась сильнее, чем хотела показать. Он мог сделать по-своему. Здание принадлежало ему, и договор позволял менять общий фасад. Но он почему-то потратил время и заставил архитектора переделать проект.

Я спросила, почему он уступил. Ратмир пожал плечами и сказал, что не любит плохой кофе, а после черного фасада я наверняка начну плевать ему в чашку. Я ответила, что не стала бы портить продукт. Он усмехнулся и направился к выходу. Пончик пошел следом. Вот это уже было возмутительно. Я позвала его. Собака остановилась, посмотрела на меня, потом на Ратмира, который держал пакет с мясом, и на несколько секунд задумалась. Я впервые увидела, как мой пес реально взвешивает жизненные приоритеты. В конце концов совесть победила, но очень неуверенно. Он вернулся ко мне, сел рядом и проводил Ратмира таким взглядом, будто провожал уходящий поезд.

Ночью мне пришло сообщение. Ратмир спрашивал, устраивает ли меня новый вариант вывески. Я ответила, что пока да. Через минуту пришло еще одно. Он уточнил, что это означает временное перемирие. Я написала, что перемирие касается только фасада, а собаку он все равно подкупает нечестно. Ратмир сообщил, что война есть война и у каждого свои методы. Я положила телефон экраном вниз и улыбнулась, хотя рядом никого не было. Это было неприятное открытие. Еще неприятнее стало, когда Пончик поднял голову с подушки, посмотрел на меня и тяжело вздохнул. Я сказала ему, что ничего смешного не происходит. Он снова положил морду на лапы. По выражению его морды я поняла, что он мне не верит.

Глава 3

Ремонт соседних помещений превратил мою жизнь в ежедневную проверку нервной системы. Рабочие приходили в девять тридцать, как было договорено, но дальше начинался концерт. Стучали, сверлили, таскали доски, ругались между собой и регулярно приходили ко мне за кофе. Через неделю половина бригады знала меню лучше постоянных клиентов, а прораб ел только медовик и называл его лекарством от ответственности. Ратмир появлялся почти каждый день. Иногда поднимался наверх, иногда заходил за кофе, иногда просто проходил мимо витрины, но Пончик уже научился различать звук его машины. При первом же знакомом рокоте он поднимал голову и отправлялся к двери. Я пыталась убедить себя, что собака ждет сушеное мясо. Потом замечала, что сама тоже смотрю на улицу, и сразу находила себе срочное занятие.

Наше перемирие закончилось в понедельник, когда рабочие по ошибке отключили воду в моем помещении. Было десять утра, зал полный, посуда копилась, тесто замешивалось, а из крана доносился воздух. Я вышла в коридор, нашла первого человека в каске и очень спокойно спросила, кто сегодня решил закрыть мою кондитерскую. Через пять минут появился прораб, через семь Руслан, через десять Ратмир. Последний вошел с телефоном у уха, выслушал прораба и даже

не попытался оправдываться. Сказал, что воду вернут максимум через двадцать минут, а пока велел своим людям принести несколько больших бутылей. Я была уже готова разнести всех по частям, но возможность продолжать работу спасла окружающих.

Воду вернули через пятнадцать минут. Ратмир остался, пока не проверили каждый кран. Я стояла рядом, скрестив руки, и молча ждала извинений. Он их принес. Нормально, без шуточек. Сказал, что виноваты его люди и такого больше не будет. Мне стало неудобно продолжать злиться, поэтому я выдала ему чашку кофе. Бесплатно. Ратмир посмотрел на чашку, потом на меня и спросил, не отравлен ли напиток. Я ответила, что хороший кофе жалко. Он выпил и ушел наверх. Через час мне привезли новую промышленную посудомоечную машину. В записке было сказано, что это компенсация за утренний сбой. Я позвонила Ратмиру и потребовала забрать ее обратно. Он отказался. Я сказала, что не принимаю подарков от мужчин, с которыми воюю. Он ответил, что это не подарок, а страховая выплата. Мы спорили десять минут, пока Пончик не начал лаять на телефон, очевидно устав слушать.

Машина осталась. Я решила, что верну долг иначе. На следующий день у Ратмира в верхнем помещении было большое совещание. Руслан заранее заказал кофе и десерты на двенадцать человек. Я приготовила все идеально, но на каждом маленьком пирожном шоколадом написала одно слово.

На первом было хозяин, на втором здания, на третьем который, на четвертом думает, на пятом что, на шестом может, на седьмом покупать, на восьмом людям, на девятом технику, на десятом без, на одиннадцатом спроса. Двенадцатое украшала большая точка. Лиза хохотала так, что пришлось выгнать ее на кухню остывать. Руслан, увидев композицию, попросил коробку закрыть, потому что хочет донести ее до кабинета живым.

Спустя полчаса Ратмир спустился с пустой коробкой. Я приготовилась. Он положил ее на стойку и сказал, что гостям понравилось. Особенно пунктуация. Потом достал из кармана ключи и молча положил рядом. Я спросила, от чего они. Оказалось, от посудомоечной машины. Он заявил, что если она мне не нужна, я могу продать ее и купить двенадцать пирожных без надписей. Я вернула ключи. Он вернул обратно. Мы повторили это трижды. В конце концов Пончик, которому надоела человеческая глупость, подпрыгнул, схватил связку зубами и убежал под стол. На этом спор закончился, потому что ползать за ключами пришлось Ратмиру.

Мужчина в дорогих брюках стоял на четвереньках возле моего столика и пытался договориться с французским бульдогом. Картина была настолько прекрасной, что я достала телефон. Ратмир сразу заметил. Я успела сделать один снимок, прежде чем он выпрямился. На фотографии Пончик сидел под столом с ключами в пасти, а Ратмир смотрел на него с выражением человека, которому впервые в жизни не помога-

ли деньги, связи и тяжелый взгляд. Я объявила, что сохраню фото на случай будущих переговоров. Он пообещал купить мой телефон. Я сказала, что не продается. Он уточнил, что у каждого есть цена. Я ответила, что эту фразу пусть оставит для своих деловых партнеров, а у меня вместо цены настроение. Иногда оно плохое, и это существенно дороже.

Вечером произошло еще одно событие. Ратмир задержался до закрытия, потому что его люди доделывали проводку наверху. Я уже убрала витрину, Лиза ушла, рабочие разошлись, а за окном начался сильный дождь. Пончик лежал у батареи, я считала кассу. Ратмир спустился без пиджака, увидел, что я собираюсь идти пешком с собакой, и предложил подвезти. Я отказалась. Он посмотрел на ливень. Я тоже посмотрела. Через минуту дождь усилился так, что по стеклу потекло сплошное серое полотно. Ратмир ничего не сказал, просто сел за стол и заказал последний кофе. Это был красивый ход. Он не уговаривал, не командовал и не стоял над душой. Сидел и ждал, пока здравый смысл победит мою принципиальность.

Через десять минут я сдалась. Пончик был загружен на заднее сиденье внедорожника вместе с пледом, который Руслан почему-то уже хранил в багажнике специально для него. Я села рядом с собакой, потому что впереди сидел охранник. Ратмир устроился с другой стороны. Пончик немедленно растянулся поперек сиденья так, чтобы разделить нас физически. До моего дома было пятнадцать минут. Все это вре-

мя собака тяжело дышала, иногда толкала Ратмира задней лапой и следила, чтобы его рука случайно не приблизилась ко мне. Когда машина остановилась, я поблагодарила за поездку. Ратмир вышел следом, помог открыть зонт и проводил до подъезда. Пончик шел между нами, как маленький злой сопровождающий.

У двери Ратмир вдруг спросил, есть ли у меня кто-нибудь. Вопрос прозвучал спокойно, но я сразу поняла, что речь не о сотрудниках. Я ответила, что есть Пончик, и мне хватает. Он посмотрел на собаку, которая в этот момент пыталась вытереть мокрые лапы о его дорогие брюки, и сказал, что спорить сложно. Потом пожелал спокойной ночи и ушел. Я поднялась домой, сняла мокрую одежду, покормила Пончика и только потом поймала себя на том, что думаю о его вопросе. Не о словах, а о том, зачем он вообще спросил. В тридцать пять лет женщина уже умеет распознавать мужской интерес, даже если мужчина прячет его за спокойным лицом и деловыми поводами. Проблема была в другом. Я впервые за долгое время не знала, хочу ли сделать вид, что ничего не заметила.

Глава 4

В субботу утром в кондитерскую вошла эффектная женщина лет тридцати с темными волосами, огромными очками и пакетом из дорогого бутика. Она заказала капучино, три тарталетки и еще пять минут стояла возле витрины, рассматривая меня так внимательно, что я начала подозревать проверку. Пончик подошел к ней сам. Женщина сняла очки, присела и сказала, что вот он, знаменитый террорист. Я насторожилась. Обычно подобными словами мою собаку называли только я и ветеринар. Незнакомка представилась Ингой Астаховой, младшей сестрой Ратмира. После этого все стало понятно. Даже слишком.

Инга объяснила, что брат рассказывал о кондитерской. Я сразу уточнила, что именно он рассказывал и в каких выражениях. Она задумалась, потом сказала, что обычно Ратмир не рассказывает о женщинах вообще, поэтому сам факт уже любопытный. Мне это не понравилось. Я предложила ей тарталетку за счет заведения, чтобы она ела и меньше анализировала семейные разговоры. Инга оказалась веселой, быстрой и совершенно не похожей на брата. Она болтала не без остановки, а ровно столько, чтобы рядом с ней становилось легко. Через полчаса знала, что я разведена, сама открыла кондитерскую пять лет назад и считаю красный бархат переоцененным десертом. Я, в свою очередь, выяснила, что ей

тридцать два, она занимается дизайном интерьеров и именно она заставила Ратмира отказаться от черного камня на фасаде, потому что назвала первоначальный вариант траурным залом.

Я почувствовала неожиданное родство. Мы вместе посмеялись над его вкусом, после чего Инга заказала торт на день рождения подруги. Пока я записывала пожелания, в дверь вошел Ратмир. Он остановился, увидев сестру за моим столиком, и сразу понял, что случилось что-то плохое. Для него. Инга радостно сообщила, что мы уже обсудили фасад, его характер и любимые эклеры. Ратмир снял пальто и спросил, не хочет ли она домой. Сестра ответила, что пока нет. Я предложила ему кофе. Он отказался. Я сказала, что тогда придется просто сидеть и слушать, как две взрослые женщины обсуждают его недостатки. После этого кофе понадобился.

Пончик в тот день окончательно продан. Ратмир пришел без сушеного мяса, и я уже надеялась увидеть проявление принципов. Но Инга принесла куриную грудку для своей кошки и оставила пакет на соседнем стуле. Пончик нашел его быстрее, чем мы заметили. Когда я отобрала мясо, половина уже исчезла. Ратмир заявил, что это доказывает его невиновность и врожденную коррупционность собаки. Я защищала Пончика, пока он сидел под столом и громко икал. Инга снимала происходящее на телефон. Через час видео, где суровый Ратмир держит моего бульдога под мышкой, пока я пытаюсь вытереть ему морду, оказалось в семейном ча-

те Астаховых. Я узнала об этом вечером, потому что Ратмир прислал мне скриншот и коротко написал, что его мать теперь хочет познакомиться с Пончиком.

В понедельник состоялось знакомство. Зоя Сергеевна Астахова пришла в половине первого, аккуратно одетая, с серебристыми волосами и тем самым спокойным взглядом, который явно передался сыну. Я приготовилась к оценке, но женщина сразу попросила кофе, съела медовик и сообщила, что Ратмир с детства не любил животных после того, как соседский гусь укусил его в пятилетнем возрасте. Я чуть не подавилась. Пончик, услышав слово животные, подошел ближе. Зоя Сергеевна дала ему крошку бисквита и сказала, что он очень приятный мальчик. Я объяснила, что приятный мальчик вчера съел половину моей губки для посуды. Она ответила, что мужчины вообще часто портят вещи в доме, но со временем к этому привыкаешь.

Ратмир появился через двадцать минут и застал нас за обсуждением его детства. Впервые я увидела, как человек, которого боятся взрослые мужики, действительно теряет самообладание. Он спросил мать, зачем она пришла. Зоя Сергеевна спокойно ответила, что хотела посмотреть кондитерскую. Потом повернулась ко мне и добавила, что еще хотела понять, почему ее сын четвертый день ест сладкое, хотя последние десять лет утверждает, что его не любит. Я отвернулась к кофемашине, потому что иначе начала бы смеяться ему в лицо. Ратмир посмотрел на меня тяжелым взглядом. Я

спросила, добавить ли в кофе сахар. Он ответил, что нет. Я заметила, что поздно беречь репутацию.

После обеда они ушли вместе. Через пять минут на стойке пикнул мой телефон. Ратмир написал, что я слишком быстро подружилась с его семьей. Я ответила, что семья у него приятная и вопрос только в нем. Он прислал фотографию Пончика из семейного чата с подписью мамы о том, что собаке надо купить теплую куртку к зиме. Я рассмеялась вслух. Лиза спросила, что случилось. Я сказала, что ничего, просто один очень серьезный мужчина постепенно теряет контроль над собственной жизнью, и мне почему-то приятно наблюдать.

Вечером, когда мы закрывались, Ратмир снова зашел. Никаких дел у него не было. Это стало понятно сразу. Он купил один эклер, сел у окна и минут десять смотрел, как я протираю стойку. Потом спросил, почему я развелась. Вопрос был личный, но не наглый. Я могла не отвечать. Но почему-то ответила. Сказала, что Антон был хорошим человеком, пока не выяснилось, что быть хорошим для всех женщин сразу у него получается лучше, чем для одной жены. Ратмир не стал отпускать шуточки и не начал расспрашивать. Просто кивнул и сказал, что значит, бывший муж был идиотом. Я усмехнулась. Такая простая реакция неожиданно согрела сильнее любых правильных слов.

Когда он собрался уходить, Пончик подошел и лег ему на ботинок. Ратмир замер. Я тоже. Собака никогда не ложилась

на чужие ноги, если не собиралась требовать еду. Но у Ратмира ничего не было в руках. Он осторожно наклонился и погладил Пончика между ушами. Тот не двинулся. Потом Ратмир поднял глаза на меня. Взгляд у него был совершенно другой, без привычного вызова. Я почувствовала короткую неловкость и сразу схватилась за тряпку, как будто именно она могла спасти положение. Он ушел, а Пончик еще минуту сидел у двери и смотрел вслед. Я сказала ему, что он предатель. Пончик повернулся и посмотрел на меня так, будто хотел напомнить, что последние две недели я сама начинаю красить губы перед тем, как за окном появляется черный внедорожник. Спорить с собакой, которая слишком много знает, оказалось бессмысленно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.